

В. ПРОВ (ВАЛЕНТИН ПРОВОТОРОВ)

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ (1960-80 гг.)

1.

Спрячь бубен резкостей. Не надо,
как четки в лоно, сеять смех -
спасут парадные не всех,
в кого не ломится досада.

За стенкой сток воюющих взглядов
и равноодушный мокрый снег
и тухнет бывший Дом Потех,
и жрет гнилую зелень стадо.

За стенкой пляшет мрак бесплодный:
кому там ритм и стих свободный?
Кто маете ответит "Нет"?
Там только, вихрями чревата,
теней пузатых буффонада
прогнать пытаются рассвет.

2. НАПРОТИВ

Ночи никли Пьеро, млея запахом кашек,
возвращались назад в сень вчерашних лучей -
там за мутью стекла у фарфоровых птичек
мягко тень не могла спрятать трепет свечей.

Чьи там руки в ногах волховали и флигель
чье блаженное "ах" делал эхом пустынь?
Вились струи дождя в утомительном тике,
гасли свечи, коптя рой сплетенных богинь...

Но одна, протянувшая пятки паркету
и окна просверлившая радужный пот,
сумрак прядей свила с умирающим светом
и доверила глади бесформенный рот.

3.

Выскребли на пне полоску крови,
и вполне доверенные совы
вспоминали прежние любови,
убеждали мир в значенье слова.

Ночь пестрела прелыми глазами,
дух тяжелый вниз от стройки вился...
Заяц заикнулся об Исламе...
Месяц в небе тайно обнажился...

А потом пришла пора погромам -
лес обряк и вляпался во что-то:
съели дятла, вымазали гнома,
кем-то долго ухало болото.

Хорошо подать себя за зверя!
Хорошо: разделся и наружу!
Но в норе надежнее теперь
хоронить изысканную душу.

4. МОЖЕТ БЫТЬ Е.Е.

Любовь изображение разила -
сама себя в истлевшей позолоте...
Что было силой резвою красиво,
расплатой лжи неправедной приходит.

И ангелы - их вокруг нарисовали -
и громкий бой по лупленному тазу
нам сцену не ведут в пустынном зале
и веры нет, что вырвемся с экстаза.

Она уже не красится Свободой:
мистично ждет привычного конфузса.
Не жмут ее, не просят на работу,
а есть еще огонь и бездна вкуса.

И вот последний акт, смешной и ловкий:
Любовь себя изводит не жалея,
уходит умереть в чужой кладовке,
не сняв рэтузы и оставшись феей.

5.

Выносили йоги листья мяты,
в полотенцах клали на пески,
поднимали позами подмятых,
полоскали дыбами мозги.

Выскочил гнусавый гегельянец,
захотел помочь и превзойти,
но Она ответила на танец
грустное и четкое "Уиди!"

Было с ней в песках теряться трудно,
сохнуть пемзой в серой кутерьме,
городов не помнить многолюдных,
хоронить обидное в уме.

Мятой пахнет тихо и сердечно...
Набухая памятью, осклизн!
Забирая радостно на вечность
бросить в пропасть серенькую жизнь.

6.

Хотелось бы светлых отпусков
от мрачных и злых заныров,
но наверх порваны пропуски,
а время глядится в дыры.
Вертится лестница-скважина,
вопиши, что тебе потешно,
взбухает и льется сбраженно
дебелая наша грешность,
а там, где мы носом шмыгали,
где был в умиленье жалок,
подъячие, пузо выголив,
лежат на губах фиалок.
От плеши до ног обвешенны,
себя не деля от Блага,
копаются в нежных женщинах
с соленым, как вобла, смаком.
Их помнишь как ночи обысков:
упырь перед ними - телка!
Не надо пиров и отпусков.
Влезай на свою метелку...

7.

Во сне я мчался юн и прям,
не ползал: "Господи, спаси мя!".
Проснулся - жизнь суёт к губам
пустое старческое вымя.

Как череп, глух и слеп рассвет,
похмелье дрожью мучит тело,
и нет на площади примет,
чтоб Та, одумавшись, пригрела.